

Э.П. Петрушко

ПРИКАЗАНО ВЫЖИТЬ

ДЕЛАНО В
СССР

ПЕРВЫЙ
КУРС

18+

Эдуард Павлович Петрушко

Приказано выжить.

Первый курс

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40189529
SelfPub; 2019*

Аннотация

Продолжение произведения «Курс молодого бойца» о первом курсе Голицинского пограничного военно-политического училища, который поступившие между собой называли – «приказано выжить», из-за непомерных физических нагрузок, нарядов и постоянного чувства голода. Написано в легкой юмористической форме, с описанием элементов армейского быта и отношений между сержантами и курсантами. Чтение вызовет массу воспоминаний и улыбок тех, кто прошел суровую школу службы в СА.

Кто битым жизнью был, тот большего добьется,
Пуд соли съевший, выше ценит мед,
Кто слезы лил, тот искренней смеется,
Кто умирал, тот знает, что живет.

Омар Хайям

Первый курс – «приказано выжить»

Издав небольшое произведение «Курс молодого бойца», по своему дневнику написанное в гремучих и злобных лесах Ярославской области, я получил поддержку близких и незнакомых людей. Понимаю, что моя юность в кирзачах на первом курсе Высшего пограничного военно-политического ордена Октябрьской Революции Краснознамённого училища КГБ СССР имени К.Е. Ворошилова вызовет немало улыбок и воспоминаний у людей, кто прошел суровую армейскую школу.

Мы были молоды и беспечны, хотели любви и еды, но жизнь засунула нас в самую глубокую задницу. Вместо любви мы получали тантрический секс с сержантами, вместо еды – похлебку на комбижире и нескончаемый бег, словно мы были кенийскими спортсменами. Но мы не унывали, приобретали новых друзей и ссорились, учились выживать и убивать. Да, в военном училище именно этому и учат, смеясь

над собой и происходящим.

Служба и учеба в пограничном училище – это нескончаемая увлекательная книга. Каждый день можно писать много страниц, ничего не выдумывая и не повторяясь. Вся наша жизнь состояла из забавных случаев и тяжелых испытаний, которые слепились в единый яркий пучок воспоминаний.

Из лысых наивных болванчиков мы постепенно превращались в мужчин, набирали вес, крепчали телом и духом, несмотря на жесточайшие физические нагрузки и незамысловатое питание. Наша кожа дубела, мы твердели, как камни, становясь более выдержанными и выносливыми. СССР полноценно готовило защитников дальних рубежей нашей Родины...

I

Вернувшись отошталыми, но закаленными воробьями с Полевого учебного центра (ПУЦ), во взводах провели окончательную пертурбацию, и я, к сожалению, был вырван из знакомого коллектива и переведен для прохождения дальнейшей службы и обучения в первый взвод в первое отделение 5 роты 3 батальона. В батальоне было три учебных роты, расположенных на одном этаже, причем у «средней» 6 роты не было своей оружейки и дневального поста, что для армии

было нонсенсом.

Отделением командовал сержант Кургин, типичный русский парень, коренастый, со слегка конопатыми покатыми плечами. Кургин отпахал на границе почти два года и поэтому с нескрываемой ненавистью относился к поступившим с гражданки. Многие срочники приезжали в училище просто отдохнуть и закосить перед дембелем, скоротать месяцок в комфортной обстановке без флангов и ночных тревог. Однако некоторым из халявщиков удавалось поступить в училище, несмотря на провальные экзамены.

К какой категории относился сержант Кургин, не знаю, но в училище он поступил. Арифметика его ненависти к нам, желторотикам с гражданки, была понятна: мы все или почти все будем лейтенантами пограничных войск через четыре года. Однако у командиров отделения, сержантов, к этим годам добавляется еще полтора-два года срочной службы. А это кусок юности, отданный Родине в непростых условиях, и поэтому снисхождения от них мы не ждали. Особенно ярко они отыгрывались на первых двух курсах, поэтому первый курс между собой мы называли «приказано выжить» ...

Считалось, что дедовщины и неуставных взаимоотношений в училище не было. Ну, это как и куда посмотреть. Дедовщина в армии – дело давнее. Она появилась в войсках аж

при Петре I. В то время солдаты служили по 25 лет и постоянно воевали. Более опытные военнослужащие обучали новобранцев выжить на войне, не выбирая способов и методов. Дедовщина трансформировалась и менялась, особенно была выражена в СССР в период, когда в армию начали призывать бывших уголовников и при изменении сроков службы. Тогда в один момент оказались служащие, призванные на 5 и на 3 года во флот и 4 и 2 года в сухопутные войска. Последствия понятные.

Да и нас не били бляхами по филейной части и не проводили «разъяснительные» беседы в каптерке, но фактически мы были тощими духами в «нулевых» хэбэшках, которые попали под пресс «официальной дедовщины».

Есть такая увлекательная книжечка, почти бестселлер, утвержденная Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 июля 1975 года, в которой собраны уставы Вооруженных Сил СССР: Внутренней службы, Дисциплинарный, Гарнизонной и караульной службы и Строевой устав. При умелом использовании многочисленных уставов жизнь курсанта можно превратить в испанскую инквизицию. Все зависело от того, какой подход у сержанта к уставу. У нашего сержанта подход был обстоятельный с элементами легкого садизма.

– Ну что, попрыгаем? – бывало, обращался к нам сержант, и мы готовились к тупым тренировкам.

Кургин мог вечерами нас дрессировать, как Куклачев, и мы бегали тощие коты между каптеркой и кубриком, переобуваясь из сапог в тапочки и обратно. Увлеченно и многократно одевались и раздевались в темноте, когда другие отделения уже спали. После бессмысленных тренировок сержант направлял «медлительных» в помощь дневальному драить очки и писсуары, как водится, с зубной щеткой. Вся жизнь казалась катастрофой. Я всматривался в глаза сержанта и пытался найти что-то человеческое, но они были бесцветные и тусклые. Наши отношения с сержантом были похожи на неудачное химическое соединение, похожее на отраву.

В такой жесткой уставной жизни мы приближались к заветной сентябрьской присяге, которая сулила нам долгожданное увольнение...

II

Присяга, помимо бонуса в виде увольнения, предполагала еще небольшой строевой марш «коробочкой». Взводные офицеры усердствовали перед руководством батальона и училища, проводя многочисленные и искрометные трени-

ровки на плацу.

Наш взводный, старший лейтенант Литвиненко, высокого роста, с орлиным клювом, необычно худой, разговаривая с курсантом, он закладывал руки за спину, качался на каблучках и без всяких эмоций плевался словами сверху вниз. Мне казалось, что его короткие предложения всегда носили пренебрежительный характер. За это мы ему дали нелюбимую кличку «Клюв».

Будучи высоким нескладным юношей, я особенно страдал на строевых занятиях. Крики взводного, похожие на карканье вороны, «Петрушко, выше ногу!», «Спину ровно!», запомнились на всю жизнь. Обливаясь потом, высоко поднимая голову, я «тянул ногу», громко стуча по асфальту тяжелыми сапогами.

– У меня от строевой постоянно мозоли, – говорит курсант Басурин, рассматривая свои покрасневшие пальцы ног. – Как на парад готовимся, сил уже нет!

Но в санчасть никто с мозолями не шел, все хотели уйти в увольнение.

Неожиданная августовская жара нагревала асфальт до состояния раскаленной плиты, скручивала в трубочки листву, сушила горло и губы. Горячая пыль оседала на обмундиро-

вании и на лицах. После недели тренировок каждый шаг отдавался болью в ногах и голове. Казалось, что мы испытывали кислородное голодание. Почти все свободное время мы учили текст присяги и готовы были его рассказать при пробуждении ночью.

Присяга неизбежно приближалась. Со всей еще не распавшейся Родины начали подтягиваться родственники. Поразила мать Максимчука – женщина в возрасте, в сером платке и больших ботинках. Совсем небольшая, а привезла два мешка еды: сгущенка, колбаса домашняя, большой плиточный шоколад, ну и, конечно же, сало. Родители Кунгурова привезли апельсинов, восточных сладостей и настоящего шашлыка. Попытка передать в казарму вина была строго пресечена сержантами. Точнее, она и не состоялась, так как Кунгуров Валера отпрыгнул от предложенного родителями яркого бутылка, как антилопа от аллигатора.

– Нам этого нельзя, Устав запрещает! – испуганно шипел Валера на ухо отцу. Сержанты, сидевшие на КПП со своими родственниками, видевшие эту картину, громко смеялись.

В спальном помещении запахло, как в придорожной кафешке. За месяцы поступления и курса молодого бойца мы отвыкли от нормальной еды. Ели некрасиво и много, делая жесткие миксы: жареную курицу заедали конфетами, а сало

запивали сгущенной.

Почти у всех началась диарея – сортирные очки постоянно заняты. Незамысловатая канализация начала давать сбои: в туалете стояла вонь, как на свиноферме. Дневальные вешались, сержанты матерились. Но, выйдя из туалета, мы опять ели и ... срали.

Наконец-то наступил день присяги. Солнце было огромно, точно взобралось выше, чтобы получше рассмотреть собравшихся на плацу. Мы были похожи на измученных тушканчиков, но предвкушали увольнение, веселились и делились планами. Торжественное принятие присяги, несмотря на все тяжести и лишения, придавало происходящему глубокое чувство патриотизма. Родители плакали, курсовые стояли с каменными лицами, начальник училища, как Брежнев, наблюдал за происходящим с трибуны в окружении почетных гостей. Мы же, выучив присягу на зубок, к своему стыду запинаясь и глотали слова от напряжения и волнения.

Со всех сторон раздавались священные слова: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю Присягу и торжественно клянусь...»

После принятия присяги мы прошли перед начальником училища и нашими родителями торжественным маршем,

стуча сапогами по асфальту, словно пытаюсь его проломить. Пролетела команда «Равнение направо». Мы дружно повернули головы в сторону трибуны, где нам отдавал честь генерал-майор Колосков. Мы вцепились в автоматы до белизны ладоней. Получилось неплохо.

Построив и проинструктировав в пятый раз, как вести себя при встрече с патрулями, строго-настрого запретив нам пить алкоголь, взводные раздали увольнительные, и мы счастливыми лысыми стрижами выпорхнули на улицу. После долгого затворничества хотелось петь и кричать.

Моих родителей на присяге не было. Люди они были военные, и отпуск им давался согласно графику, который они проводили в родной Н...ой области. О праздничном столе позаботились соседи, после чего я час лежал на кровати и не двигался, как объевшийся после зимней спячки медведь.

Опешив от свободы, переоделся в гражданку, собрал своих близких друзей и полетел в модное кафе «Молочка», которое находилось в Олимпийской деревне. Отплясав до ночи, мы, счастливые, вернулись домой, где все-таки выпили несколько бутылок вина. Увольнение быстрым приятным ветерком пролетело мимо, оставив приятную щемящую боль по гражданке.

Ш

После присяги мы стали полноценными военнослужащими со всеми вытекающими последствиями и ответственностью. Теперь за невыполнения приказа можно было сесть на губу, а при более серьезном преступлении – упечься в дисбат, о чем нам постоянно твердили сержанты.

Мы учили новый лексикон армии, начинали «шарить», не «тормозить». Не «залазить в залупу» и не «залетать». Кафе заменили на «чипок», нашей тюрьмой была «губа», а мы все стали «бойцами».

– Петрушко, «снимись с ручника»! – говорит сержант, смотря на то, как долго я наматываю портянки. Слова у него летят из глубины желудка с легким скрежетом. Как испуганная мышь, засовываю ногу в сапог и бегу на построение.

Каждое утро начиналось с нездорового крика старшины б роты Ваграбельского – «Рота подъем!», который, казалось, хотел нас напугать или оглушить. Сержанты шипят, как гуси, и торопят одеваться, чтобы как можно быстрее выгнать нас на плац, потому что последний взвод, вышедший на зарядку, потом дрючили. Самое странное в этой ситуации то, что даже если все будут метаться, как электровеники, то все равно на плацу кто-то окажется последним...

Два раза в неделю, во вторник и четверг, мы с утра бежали вокруг училища по 6 км. Нагрузка была серьезная: ответственный офицер бежал в кедах и задавал нешуточный темп батальону. Мы, еще не проснувшиеся, как нездоровые лошади, хрипели и старались не отставать, дабы не попасть под пинки сержантов.

Случалось так, что после утренней пробежки у нас по учебному расписанию было физо – бег по пересеченной местности 10 км, а после обеда можно было попасть на опять физо с той же пробежкой вокруг училища – 6 км. Итого за день 22 км. Всякий ропот, когда в занятиях происходила «беговая накладка», в корне пресекался сержантами, и мы носились, как дикие сайгаки, не понимая, как нам хватает сил на этот километраж...

После утренней зарядки – водные процедуры и подшивание подворотничков. Подшивание подворотничка – это целая традиция и ритуал. Сидим, сопим, пытаемся пришить кусок белой материи к ХБ. Самое трудное – правильно натянуть их на ворот гимнастерки, многие и после КМБ не научились нормально подшиваться.

– Что это за гусеница у вас, курсант Петрушко? – говорит командир отделения и срывает воротничок.

Сами сержанты подшиваются не тоненькими-тоненькими огрызками, а в четыре раза сложенным куском материи. У них получаются красивые «губастые» подворотнички.

Заправка кровати поначалу похожа на выполнение сложного боевого задания. Матрас переворачивается для большей ровности, на него натягивается простынь, потом – темно-синее одеяло. Все необходимо натянуть, как струну. Одеяло отбиваем плашками – дощечка с ручкой, похожая на шпатель. Подушку кладем на своё место и теми же плашками придаем квадратную форму. Стучим деревяшками, как дятлы в лесу. Когда сержанту что-то не нравится, он просто срывает одеяло с кровати со словами:

– Неровно, тренируйся курсант! – и спокойно идет дальше. Ты выжигаешь взглядом его спину и опять берешься за плашку. Койки стоят в рядах, их необходимо выровнять и придать вид аккуратности – начинается выравнивание с помощью натянутой нитки. Процесс кропотливый, участвует все отделение.

Чистим сапоги. Они должны блестеть, как известное место у кота. Чистим одним и тем же, но у сержантов сапоги блестят лучше.

Утренний осмотр, сержанты ходят, заглядывают тебе во

все места, словно собаки, вынюхивают недостатки. Поступает команда следовать на завтрак, идем через улицу на первый этаж столовой. 3-4 курсы принимают пищу на втором этаже и на улицу не выходят, идя в столовую через переход.

На завтраке старшина нашей роты, которому не нравится, как мы «неоднообразно» садимся за стол, командует несколько раз «Встать – сесть!!!» Старшина роты с неприятным лицом, Калашников, почти два года отпахавший на границе, никакого снисхождения к нам не имеет. Чувствительности в нем было не больше, чем в барабане. Наконец-то с ровным грохотом усаживаемся за столы: «Приступить к приему пищи!». Самое вкусное на завтраке – это пайка из кругляшка масла, хлеба и сахара. Хотя безвкусную кашу мы рубаем будь здоров.

Единственное место, где можно уединиться, это туалет. Сидишь на очке и читаешь, что написано на двери. Прямо не дверь, а стена откровений. В основном даются характеристики командирам – «сержант такой-то – сука» или человек с нетрадиционной половой ориентацией. Дверь туалета – это единственное место, где можно отыгаться на сержантах. Многие пишут о том, сколько осталось дней до отпуска. «Как все задолбало!», «Мама, роди меня обратно!», «Остановите землю, я выйду!» и т. д.

По субботам водят в кино. Хронический недосып валит с ног, под бубнеж и мелькание на экране спим, как хомяки. Сержанты только и успевают давать лещей храпящим воинам.

Нам многого нельзя. Почти ничего нельзя. Нельзя садиться на кровать. Нельзя смотреть телевизор. Нельзя расстегивать подворотнички и засовывать руки в карманы. Порой не знаешь, куда их пристроить. Чтобы войти в бытовку, мы обязаны спросить разрешения у находящихся там сержантов.

IV

Списки наряда составляются на месяц по графику. Но можно залететь и вне очереди, что часто происходит на первых курсах. Как-то за месяц я умудрился схлопотать три наряда вне очереди. Вместе со своими «родными» я отбомбил шесть нарядов дневальным, два наряда по кухне и один караул. Под конец месяца я был похож на прошлогодний мухомор.

Заступающий наряд после обеда освобождается от всего и готовится к заступлению. Чистит форму, сапоги, бляхи и т.д. Час на сон, но спать днем не получается: в спальном помещении постоянно кто-то шарит, максимум проваливаешься в дрем. С 15.00 до 15.45 делаешь вид, что учишь уставы, по-

лучаешь штык, нож и идешь на развод, который проходит на плацу.

Дежурный по училищу подходит к каждому и делает осмотр. Ты, в свою очередь, представляешься "Дневальный 5-ой роты, курсант Огурцов". А он, гад, в ответ: "Обязанности дневального!". После доклада дежурный идет к следующему. Под барабан торжественным маршем идем мимо трибуны и следуем к местам службы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.